

Культура. — 1994. — 12 нояб. — с. 11.

СУДЬБЫ

На сцену Яцек Качмарский поднялся из зрительного зала, подчеркнув тем самым, что он такой же, как мы все. В простой черной рубашке и черных вельветовых брюках он чем-то отдаленно напомнил молодого Ива Монтана. Польский поэт и певец для Польши стал своеобразной легендой: в годы «Солидарности» он назывался ее бардом и был широко известен, хотя диски и кассеты с его записями расходились подпольно. На его творчество огромное влияние оказал Владимир Высоцкий. Такие известные песни, как «Охота на волков», «Я не люблю», звучали в стиле нашего барда и все же чуточку иначе. А в «Эпитафии для Вл. Высоцкого» польский певец выразил всю свою любовь не только к своему русскому предшественнику, но и все свои чувства к России, к русской культуре.

Яцек Качмарский был в России последний раз восемнадцать лет назад вместе со своими родителями, известными польскими художниками Янушем и Яниной Качмарскими, которые получили высшее художественное образование в наших институтах. На нынешних концертах в Москве и Петербурге, где Яцек выступал впервые, он показал программу, специально подготовленную для российских слушателей. В гастрольях по всему земному шару он поет для польской диаспоры другие песни. Об этом, о своей непростой судьбе, ее крутых поворотах его рассказ.

— В те далекие годы моего детства я практически не жил с родителями, а воспитывался у бабушки, но регулярно посылал им письма, написанные в стихотворной форме. Видимо, тогда уже начала проявляться моя тяга к творчеству. Эти короткие стихотворения, в которых я описывал не просто житейские события, а то, что происходило в моей душе, в моих мыслях, были первые кусочки искусства в моей жизни. В музыкальной школе я учился играть на фортепиано, а затем на гитаре и начал сочинять пе-

сенки, как каждый молодой человек. В 1974 году, когда мне было семнадцать лет, я попал на концерт Владимира Высоцкого, который вместе с Мариной Влади был у нас в Варшаве проездом в Париж. Тогда на квартире у друзей моих родителей он пел практически подпольно.

Его песни я уже знал, потому что мои родители, часто бывая в Москве, привозили оттуда пленки, кассеты с его записями и не только его, но и Галича, Окуджавы. Но личная встреча оказала на меня потрясающее впечатление, особенно его отношение к жизни, к искусству. Его экзистенциальный крик (я это назвал — «славянская истерия») был близок, думаю, польской душе. Я решил

ПЕВЕЦ, СЫН ХУДОЖНИКА

делать, как он, и начал петь «под Высоцкого», поэтому не раз и не два терял голос, но потом как-то сумел соединить его творческую философию с польской традицией романтизма. Высоцкий пел метафорические баллады, а я начал петь о польской истории, особенно XVIII—XIX и XX веков. И так нашел свой путь, «свою колею».

Почему меня называют певцом «Солидарности»? В семидесятые годы (я был еще очень молодым человеком) я пел прежде всего в домашних концертах, в подполье, как говорится, неофициально, потому что с моими стихотворениями я не мог звучать на радио или телевидении: подобные тексты тогда были запрещены. К периоду прихода «Солидарности» большинство диссидентов уже знало мои песни, и они автоматически стали считаться проявлением новой субкультуры в Польше. Но я никогда не писал гимнов «Солидарности». Просто мои песни стали выражением тех надежд и мечта-

ний о настоящих правах, которые будоражили наш славянский народ. Когда у нас ввели военное положение, я был в Париже как член делегации «Солидарности», и друзья мне шепнули, что мне опасно возвращаться на родину.

В Париже я начал петь для поляков, организовывать помощь для подпольной «Солидарности» в Польше. Поэтому мне приписали титул эmissара этого политического движения. Но у меня это получилось непроизвольно. Просто мои песни звучали, как песни поляков-антикоммунистов. А когда я связался с радиостанцией «Свободная Европа», возвращение домой стало невозможным. Там, кстати, я проработал восемь лет, у меня была своя программа «15 минут Яцека Качмарского», но я делал и всевозможные передачи, от утренних политических выступлений до литературно-концертных по вечерам.

Но меня политика интересовала меньше всего, самым важ-

ным для меня была человеческая судьба в контексте истории. Политика, конечно, кусок жизни, но не самый важный. Так как меня все называли бардом «Солидарности», или патриотом, или народным певцом, то я решил бороться за себя, настоящего, и написал роман «Автопортрет с канальей» о своей жизни в эмиграции. Это не героический роман, скорее трагифарс о жизни в XX веке, когда человек не знает, кем он является в этом политическом хаосе. Я написал еще музыкальную драму по мотивам книги Виктора Гюго «Человек, который смеется».

Из современных русских художников я люблю и уважаю не только Владимира Высоцкого, но особенно Андрея Тарковского. Я написал три песни: «Рублев», «Сталкер» и «Жертва». Первая — самая лучшая, она о фильме, который для меня, как молитва. В моей жизни он прошел как великий художник.

Долго ли уговаривали меня

приехать в Россию? Нисколько. Я сразу же согласился, но целый год пришлось ждать этого момента, так как у меня очень плотный график гастролей.

Мой нынешний репертуар российских концертов я сделал специально для вас. Большинство этих песен — о Высоцком, Тарковском, Мандельштаме, Ясенском, Екатерине Великой — я написал уже несколько лет назад, думая о молодых людях в Польше, которые в те годы автоматически не желали иметь ничего общего с Россией, с русской культурой. В восьмидесятых годах я хотел показать молодежи, что эта культура, это искусство близки польской душе. Молодые люди благодаря моим песням стали интересоваться вашей страной. Начали читать Булгакова, смотреть фильмы Тарковского, начали изучать русский язык. И уже многие в Польше понимают, что они должны искать и вновь обрести контакты с русской культурой, с русскими людьми. Для меня лично потрясающе то, что на мои концерты в Польшу приходят совсем юные ребята — пятнадцатилетние. Потрясающе потому, что большинство наших тинейджеров слушают западный рок, хард-рок. Я не понимаю этой музыки. Она ужасна. Но есть тысячи, которые приходят послушать мои песни, иногда даже по два-три раза на разные концерты. Они хотят многое понять. И после концерта меня спрашивают, что им читать, куда поехать, какие картины смотреть. Они даже говорят, что они польский язык изучают по моим стихотворениям. Ведь сейчас в современном польском лексиконе 200—300 слов, это тоже ужас. Молодежь забыла о книгах, ее занимает только телевидение и компьютеры. Но появилось уже много таких, которые в искусстве начали искать то, что может сделать их жизнь богаче...

М. ШАШКОВА.

● Яцек Качмарский в Москве.

Фото Л. Бабушкина.